

Часть третья. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ - Глава 2. МИЛАН

§ 2. Расцвет

Таким образом, и работа Леонардо над "Колоссом" осталась незаконченной, причем крушение этой особенно горячей его надежды исключительно больно отразилось на мастере. В своем письме к Моро он обещал сделать невиданный памятник, работа над которым как-то особенно торжественно рекламировалась; уже были готовы латинские надписи к пьедесталу, — и все оказалось блефом: глиняная модель в течение нескольких лет еще стояла, но затем и она разрушилась. Сильное впечатление, произведенное на Леонардо этой неудачей, устанавливается с несомненностью несколькими его записями, например следующей, очевидно просто регистрирующей подслушанный разговор: "Вот человек, которого государь вывез из Флоренции для того, чтобы он выполнил эту работу; он достойный мастер, но у него столько дел, что он ее никогда не кончит" (С. А. 323 v. b.). Напоминания о неоконченном памятнике до конца жизни Леонардо были для него худшей обидой. Так, известен рассказ Вазари о том, что не любивший Леонардо и соперничавший с ним в ряде флорентийских работ Микель Анджело, желая особенно больно уязвить его, напомнил ему о предпринятой им в Милане работе, которую он не сумел довести до конца.

Неудача в крупнейшем его начинании не сломила Леонардо; наоборот, он с еще большей энергией принялся за вторую свою большую работу — "Тайную вечерю", но неудача эта, несомненно, еще более обострила свойственную ему и до того замкнутость, еще больше отвлекла его внимание к научным работам, которые он в тиши своего кабинета обдумывал и записывал своим как бы шифрованным почерком. В этой области он работал не для заказчиков, а для себя самого. Здесь он был полновластным хозяином, и, казалось, успех ему был обеспечен. Действительно, чем дальше мы углубляемся в миланский период жизни Леонардо, тем больше находим в нем научной работы. В записях, ориентировочно датируемых девяностыми годами, заметки по оптике, по анатомии и, особенно, по механике занимают все больше места. Самые эти записи становятся все более продуманными и проработанными. Поиски и изучение книг, в первую очередь античных, арабских и схоластических работ по механике, становятся все более упорными, чтение этих работ все более внимательным и вдумчивым.

В это время создается ряд кодексов Леонардо, заполненным его научными записями. Из интересующих нас в первую очередь должен быть назван кодекс "А" Парижского института, содержащий значительное количество еще достаточно неуклюжих и часто грубо ошибочных записей, относящихся к области механики, рассыпанных среди записей технического характера и более или менее тесно с ними связанных.

Не прекращались в этот период жизни Леонардо и его технические занятия; наоборот, они продолжались в широких масштабах. Может быть наибольший интерес представляют технические работы, непосредственно связанные с научными студиями его, работы, составлявшие наиболее глубокую и тайную сердцевину всей деятельности этого чудака и фантазера, проекты и конструкции наиболее смелые и потому наименее осуществимые. Первое место здесь, конечно, занимали работы над летательным

аппаратом. Уже в ранних флорентийских записях мы встречаем отдельные и пока еще скромные наброски аэропланов, если только можно применить современное слово к еще не оформившейся технической фантазии. В Милане эти работы приобрели большой масштаб. Мы не знаем точно, в какой последовательности шли работы Леонардо над летательными аппаратами, но с большой степенью вероятности можем предположить, что они прошли те же этапы, что и все его техническое творчество. Начав с чисто изобретательского экспериментирования, он в Милане постепенно стал понимать, что на этой базе ничего серьезного не построишь, что нужно внимательно и детально изучить всю обстановку полета, чтобы добиться чего-нибудь реального. И опять-таки на сцену появилась механика: сначала надо до малейшей точности изучить методы летания живых существ, осуществляющих полет естественно, т. е. птиц. Леонардо посвящает дни и месяцы наблюдению и зарисовке этих полетов, причем беспрерывно натывается на вопросы о сопротивлении воздуха, об инерции, о планировании, т. е. на вопросы механического, характера; затем надо создать машину, повторяющую движения птиц — нужно сконструировать сложную систему рычагов, тросов, блоков, т. е. опять-таки хорошо владеть основами механики. Именно в разгаре этих работ Леонардо делает следующую замечательную запись: "Птица есть аппарат, работающий на основании математических законов, причем вполне в силах человека сделать такой аппарат со всеми его движениями" С. А. 161 r. а. .

Как видим из записи, сознание того, что все сущее подчинено математическим законам, уразумение которых только и дает возможность овладеть и распоряжаться по-своему этим сущим, — сознание, столь характерное для всего механического материализма, у истоков которого стоит Леонардо, уже прочно владеет им и заставляет все более внимательно изучать эти законы, в первую очередь законы механики. Он говорит: "Механика есть рай математических наук, ибо при помощи ее мы подходим к математическому плоду" Е. 8 v. . Недаром он чрезвычайно картинно и выразительно называет землю "универсальной земной машиной" (А. 59 v.— "universal machina della terra").

Работа над аэропланом была, конечно, в первую очередь личным и, наверное, тайным развлечением Леонардо. Технические занятия его ею отнюдь не исчерпывались, — он продолжал исполнять функции герцогского инженера и, следовательно, должен был вести ряд военно-строительных и просто строительных работ. В военных предприятиях, которые становились все более актуальными по мере усложнения политической обстановки, он, слишком медлительный и слишком фантазирующий, выступал чаще всего не как непосредственный руководитель работы, а как эксперт-консультант. В гражданских сооружениях, менее важных и срочных, он, по-видимому, ближе стоял к реальной технической практике. Он командировался в различные подвластные Милану города, например в Павию и в Геную, для выполнения в них различных технических поручений. Он усиленно работал над расширением и усовершенствованием миланской системы каналов, и так уже лучшей во всей Италии, а может быть и во всей Европе. Ряд каналов, соединявших Милан с окрестностями, и внутригородских каналов, очевидно, выстроен по его проектам и под его руководством. Усиленная работа над гидротехническими сооружениями, не менее чем работа над проблемами полета, приводила Леонардо пять-таки к механике, к вопросам истечений жидкостей из

отверстий, давления жидкостей на стенки и дне сосудов, волнообразования.

Но не работы производственно-технического характера отнимали в это время наибольшее количество сил и внимания у все более вставшего в миланскую придворную жизнь художника-инженера. На первом месте среди его технических занятий стоят, по-видимому, работы технически увеселительного характера. Мы видели, что одной из основных задач и Брунеллески и Чекки было устройство празднеств, спектаклей и шествий; Леонардо, пробовавший свои силы в этом направлении еще во Флоренции и сразу по приезде в Милан начавший подвизаться на этом поприще, по мере втягивания в придворную жизнь Миланского двора все более занимался этими пустыми, но хлопотными забавами.

В 1487 г., во время празднеств по поводу свадьбы номинального герцога Джан Галеаццо, Леонардо спроектировал и выполнил сложную сценическую установку, в которой вращались, появлялись и исчезали планеты, боги и герои. Рисунки в тетрадах мастера показывают, какие сложные механические приспособления должны были быть осуществлены, для того чтобы установка могла безукоризненно работать. В 1491 г., во время свадьбы фактического герцога Лодовико Моро, Леонардо опять в центре торжеств — режиссирует грандиозные и великолепные джостры, рисует костюмы и декорации. Однако среди пустых занятий и светских забав Леонардо не терял из виду своих все более настойчивых научных интересов. Устройство вертящейся сцены послужило ему для наблюдения над сложной системой рычагов, наблюдение джостры — праздничной стычки копьями — дало ему пример перемещения центра тяжести или же удара, передающегося другому телу A. 32 v. Quello che giostra, quando mette la lancia in resta trassmuta il centro del suo peso inverse la parte dinnanzi del chavallo.

Но, выполняя те или иные технические или художественные поручения для придворных нужд, Леонардо старался быть не только мастеровым, обслуживавшим двор, но и равноправным членом блестящей придворной клики. Он фигурировал в ней как выдумщик и рисовальщик начинавших усиленно входить в моду замысловатых политических и любовных эмблем и аллегорий. Он выступал как рассказчик анекдотов, загадок и особенно любимого им жанра — пророчеств, в которых, описывая библейским языком современные факты, привычки в обычаи, показывал всю их неприглядность, жестоко и умно высмеивал их, причем особенно часто задевал религию и культ, к которым трезвый мастер относился более чем скептически. Приведем для примера два таких пророчества (из С. А. 37 v. с.):

"О деньгах и золоте: из темных пещер выйдет оно и заставит в поте лица трудиться все народы мира с великими горестями, страхом, потом, для того чтобы получить его помощь".

"О страхе бедности: злая и ужасная, она будет так устрашать людей, что они, как безумные, думая избежать ее, будут попадать в быстром движении в ее безграничную власть".

Само собой понятно, что более тесное срастание с Миланским двором и вообще

акклиматизация в Милане расширили круг знакомства замкнутого, но внешне общительного и блестящего художника и инженера. Мы уже говорили о его дружбе с Галеаццо да Сан Северино, любимцем герцога, франтом и воякой, и о его близости к разного рода военным специалистам, с которыми ему пришлось столкнуться сразу же по приезде. Расширение научных интересов, все более интенсивное стремление к чтению научных работ и к разбору сложных научных вопросов вызывали и соответствующие новые знакомства. Леонардо старался сближаться со всеми людьми — не только профессионально занимавшимися науками, в первую очередь механикой, ибо таких было весьма немного в Милане, но и просто с дилетантами или владельцами научных книг. Среди таких лиц на первом месте, очевидно, стоял Фацио Кардано, отец знаменитого ученого Джироламо Кардано, богатый юрист, дом которого, наверное, был особенно приятен Леонардо, так как напоминал детскую обстановку родного дома. Фацио был страстным любителем точных и естественных наук и большим знатоком их. Особенно внимательно и любовно занимаясь античными авторами, и в первую очередь, Евклидом, он в то же время изучал и схоластических писателей и даже (единственная его печатная работа) издал трактат о перспективе (так называемая "*Prospectiva communis*") Иоанна Пекхама. Этот живой интерес не только к античным авторам, которым отличались гуманисты, и не только к схоластам, которых заставляли зубрить университетские математики, должен был особенно привлекать Леонардо, своим умом дошедшего до такого же отношения к научной литературе. Но, кроме родной атмосферы богатого дома, кроме близости подхода к научной теме, и самый характер всего на восемь лет старшего Фацио не мог не привлекать Леонардо. Так же, как он, миланский юрист хотел заниматься всем и ничего не мог кончить. Недаром много писавший сын его говорил о нем: "В математике он знал только основы, ничего не придумал нового и ничего не перевел с греческого, что происходило больше от разнообразия занятий и неустойчивости намерений, чем от недостатка природных данных", — характеристика, которая почти буквально повторяет вазариеву характеристику Леонардо. С Фацио Леонардо, очевидно, беседовал на научные темы и особенно часто брал у него книги, необходимые для собственных занятий. В "Атлантическом кодексе" имеется ряд записей вроде: "Книга Джованни Таверна, которую имеет мессер Фацио" (С. А. 232 г.), или: "Попросить мессера Фацио показать тебе "О пропорции" Цит. по E. Solmi. *Le fonti dei manoscritti di Leonardo da Vinci*. Giorn; Stor. d. lett Italiano, suppl. № 10—11, Torino, 1908.

Меньшее, но, несомненно, также серьезное значение для Леонардо имело его знакомство с другим, пожалуй, еще более любопытным и оригинальным ученым-дилетантом, жившим в девяностых годах при Миланском дворе,— Пьетро Монти. Этот солдат, инженер, философ и богослов, проведший большую часть своей юности в Испании, выпустил в 1492 г. философскую работу "О познании человека" ("*De dignoscendis ho-minibus*"), в которой рьяно защищал эксперимент в науке и резко выступал против засилия авторитета. Одновременно он усиленно занимался военным делом и военной техникой и выпустил в первых годах XVI в. (1509) две книги, посвященные этим вопросам. И как теоретик науки вообще, и как военный техник, в первую очередь знаток баллистики, Монти интересовал Леонардо; в его записях мы находим такие слова "Поговорить с Пьетро Монти о способах метания стрел" (J. 120 г.) Сведения о Монти заимствованы нами из цит. работы E. Solmi — .

Семьей, с которой Леонардо поддерживал, невидимому, тесную связь, была семья Марлиани, два представителя которой — врачи и математики Джироламо и Пьер Антонио — интересовали Леонардо и сами по себе, и особенно как хранители научного наследия отца своего Джиованни Марлиани, крупнейшего итальянского математика, физика и механика первой половины XV в., ученого схоластически-университетского типа, подобного Биаджио Пелакани О Марлиани см. новую, достаточно исчерпывающую работу: Marshall Clagett. Giovanni Marliani and late medieval physics. N. Y., 1941, о которой нами опубликована рецензия в Известиях АН СССР Серия истории и философии, 1946, .N. В этом доме Леонардо проводил много времени, роясь в рукописях покойного ученого (он умер как раз ко времени переезда Леонардо в Милан) и беседуя с его сыновьями. Рукописи Леонардо сохранили множество следов знакомства с трудами Марлиани. Запись же С. А. 225 г. — "Алгебра, которая находится у семьи Марлиани и написана их отцом" подтверждает и его знакомство с сыновьями.

Более или менее несомненно, хотя, насколько нам известно, не подтверждено упоминаниями Леонардо, и знакомство его с Георгием Валлой, о сочинениях которого мы подробно говорили в предыдущей части. Наконец, может быть важнейшим из всех, хотя и наиболее поздним, было знакомство, быстро перешедшее в дружбу, с крупнейшим математиком второй половины XV в. Лукой Пачьоли.

Выпустив в 1494 г. свою "Сумму" (см. выше, стр. 300), Пачьоли в 1496 г., по приглашению Лодовико Моро, переехал в Милан для чтения лекций по математике и сразу же встретился с Леонардо, увлечение которого точными науками как, раз к этому времени достигло апогея. Возможно, что уже до приезда Луки в Милан Леонардо читал его "Сумму", запись о покупке которой за большую цену в 119 сольди имеется в "Атлантическом кодексе". Но, во всяком случае, отношения между художником-техником и математиком сразу же установились очень близкие. Леонардо учился у Пачьоли математике и механике в их школьном, университетском объеме, восполняя систематическими занятиями с ним пробелы своего образования. Об этом говорят записи вроде: "Выучи умножение корней у маэстро Луки" (С. А. 120 г.), или: "Попроси брата из Борго показать тебе книгу "О весах" (С. А. 90 v.). С другой стороны, сам Леонардо помогал математику в его как раз в эти годы заканчиваемой работе над трактатом о "Божественной пропорции", изготовляя рисунки для него и делаясь своим опытом художника. Пачьоли, пожалуй, единственный из современников, который, подробно, во многих дружеских беседах познакомившись с научными начинаниями Леонардо, не отнесся к ним как к пустым бредням избалованного мастера. Наоборот, он чрезвычайно высоко ценил самостоятельные и смелые изыскания своего друга. Рассказывая в предисловии к "Божественной пропорции", на которое мы уже имели случай сослаться о достопримечательностях Миланского двора и среди них о своем друге "архитекторе, инженере и изобретателе Леонардо да Винчи — флорентинце", описав подробно заканчиваемую им конную статую и "Тайную вечерю", Пачьоли говорит: "И не будучи удовлетворен этим, он принялся за неоценимый труд о местном движении, об ударе и весе и о всех силах, т. е, приобретаемых весах, и после того, как он уже с великим старанием закончил книгу о животном в людском движениях, он стремился со всяческим рвением закончить надлежащим образом и эту книгу" Op. cit. ed. cit..

Близость с Пачьоли, постоянные личные и научные разговоры с ним, несомненно, наложили печать на научное творчество Леонардо, которое к девяностым годам — последним годам его миланской жизни — можно считать окончательно сформировавшимся.

Однако не с одними придворными и учеными общался в это время мастер из Винчи. Приобретая, несмотря на все дефекты своей творческой физиономии, все большую известность, Леонардо сгруппировал вокруг себя как всякий крупный художник своего времени несколько учеников, образуя школу. Ученики эти, как обычно, жили вместе с ним, делали более легкие и вспомогательные живописные работы и одновременно учились приемам искусства мастера. Насколько нам известно, к научной деятельности Леонардо, составлявшей до некоторой степени его тайну, ученики его вовсе не имели отношения, и поэтому мы можем в данной связи ограничиться только упоминанием о них. Обращает на себя внимание то, что Леонардо подбирал своих учеников не по признаку художественной одаренности или же ума, а по признаку красивой наружности. По крайней мере, и записи его, и воспоминания современников сохранили сведения либо о костюме, либо о внешности, но никогда о талантах его учеников. При этом один из учеников обыкновенно бывал особенным любимцем мастера, с необычайным вниманием, богато и по своему вкусу одевавшего его и прощавшего ему и безделье, и даже прямые преступления, как это имело место с юным Джакомо. Большинство исследователей не без основания отождествляют последнего с упоминаемым позднее Салаи — воришкой, лгуном, франтом и обжорой, но все же постоянным объектом внимания и заботы мастера.

В начале девяностых годов Леонардо приступил к работе над своим наиболее крупным, наиболее знаменитым и, как это ни удивительно, почти законченным живописным произведением — громадной "Тайной вечерей" в доминиканском монастыре Санкта Мария делле Грации. Тема "Тайной вечери", дававшая хороший повод к созданию большой, многофигурной композиции, была одной из излюбленных тем живописцев Возрождения; Леонардо же она занимала, как мы видели (см. стр. 325), уже с юношеских лет. Ему хотелось именно в этой столь традиционной и избитой теме сказать совершенно новое слово. Эскизы общего расположения группы апостолов, наброски отдельных голов, рук и ног их встречаются в юношеских и зрелых записях Леонардо постоянно. Получив же заказ, художник принялся за пересмотр их и за составление окончательных эскизов. По-видимому, в это время он выполнил те изумительные по техническому совершенству и экспрессии рисунки голов апостолов, которые являются, может быть, наиболее ценным из всего, что дошло до нас из его художественного наследия. Однако неоднократно отмеченное нами стремление Леонардо к постоянному экспериментированию выразилось не только в его отношении к содержанию художественного задания, но и к технике его выполнения. До него живописные изображения на стенах всегда писались фреской, т. е. особыми жидкими красками по непросохшему грунту. Техника эта подразумевала значительную быстроту работы и почти не допускала переделок и исправлений. Ни то, ни другое не подходило Леонардо. Он, уже с юношеских лет экспериментировавший над красками и грунтами, теперь с особым рвением принялся за эту работу и, в результате многих опытов, получил особый грунт, по которому можно было писать масляными красками. Затем началась

сложная работа по сооружению помоста, на котором художник должен был писать, и не менее сложная и кропотливая работа по грунтовке стены; только после окончания этой работы Леонардо приступил к самому живописному выполнению. Таким образом, даже в своем наиболее крупном художественном произведении Леонардо сочетал деятельность собственно художника с деятельностью техника-экспериментатора.

Как это обычно бывало у Леонардо, такой научно-экспериментаторский подход к заданию бесконечно затягивал его исполнение. Прошло три года — срок, в который обычный фресковый живописец давно выполнил бы в три раза большую работу, а Леонардо был еще далек до конца. 29 июня 1497 г. Лодовико Моро, напоминая одному из своих секретарей о срочных делах, предписывает ему "Торопить Леонардо флорентинца чтобы он окончил работу в рефектории "Делле Грации", чтобы приступить затем к другой стене этого рефектория, и заключить с ним соглашение, которое он должен подписать своей рукой, обязав его закончить работу в срок, который он сам укажет" Beltrami. Op. cit p. 43—44. Очевидно, все средства воздействия были исчерпаны, оставался только юридический нажим. К этому же 1497 г. относится и знаменитое вступление к 58-й новеллы первой части сборника новелл Банделло, в котором описывается метод работы Леонардо. Ввиду того, что описание это, как нам кажется, исключительно ярко характеризует метод работы Леонардо, применявшийся им, очевидно, как в художественной, так и в научной области, мы приведем это место полностью:

"Были как-то в Милане во времена Лодовико Сфорца Висконти, герцога миланского, несколько дворян в монастыре "Делле Грации" братьев св. Доменика и в рефектории остановились, чтобы рассмотреть удивительнейшую и знаменитейшую "Вечерю" Христа с его учениками, которую в это время писал превосходный художник Леонардо Винчи флорентинец, очень любивший, чтобы каждый, увидев его живопись, свободно высказывал свое мнение о ней. Он также часто имел обыкновение — и я много видел и наблюдал его — рано утром взлезать на помост, ибо Вечеря расположена довольно высоко над землей, и от восхода солнца до потемнения не выпускать кисти из рук и, забыв о еде и питье, непрерывно писать. Затем могло пройти два, три и четыре дня, в течение которых он не брался за работу, или же он проводил около картины один два или три часа в день, но только созерцал ее, рассматривая и внутренне обсуждая ее, оценивая свои фигуры. Я видел также, как, в соответствии с тем, что ему подсказывал его каприз или что ему взбрело в голову (*secondo che il capriccio o ghiribizzo lo toccava*), он уходил в полдень, когда солнце находится в созвездии Льва, со старого двора, где он делал из глины своего удивительного коня, и шел прямо к монастырю "Делле Грации", — там взлезал на помост, брал кисть, делал один или два мазка на одной из фигур и тотчас же уходил и шел в другое место".

Именно так, как он работал над "Тайной вечерей", работал Леонардо, наверное, и над своими механическими и другими научными записями. Раздумье и экспериментирование, внезапное страстное увлечение работой и столь же внезапное охлаждение, непрерывные мельчайшие поправки и постоянное недовольство результатом своей работы, одной из многих работ, выполняемых одновременно, — таковы основные характеристики метода Леонардо. Однако задержки, которые являлись неизбежным

результатом этого метода, все больше начинали раздражать заказчиков. Положение, создавшееся в 1494—1498 гг., прекрасно рисуется анекдотом, передаваемым Вазари, который мы приведем с некоторыми сокращениями:

"Говорят, что приор этого монастыря очень назойливо торопил Леонардо с окончанием работы, так как ему казалось странным видеть Леонардо, стоящего иногда в течение полудня погруженным в раздумье, а он бы хотел, чтобы так же, как рабочие, копающие грядки в саду, он не останавливался, работая кистью. Не удовлетворившись, однако, этим, он пожаловался герцогу и так его зажег, что тот послал за Леонардо и стал торопить его, показывая, однако, что все это он делает по настоянию приора. Леонардо, зная, что ум этого правителя ветер и разумен, захотел (чего бы он никогда не сделал с самим приором) побеседовать как следует о своей работе с герцогом. Он ему привел много соображений об искусстве и дал ему понять, что возвышенные умы нередко чем меньше работают, тем больше успевают, так как они в уме ищут новых изобретений и формируют в нем те совершенные идеи, которые они потом руками срисовывают с того, что уже существует в их духе".

Леонардо сообщил затем герцогу, что им не окончены еще две головы — Христа и Иуды, для которых он не может найти выразительные лица, и, чтобы ускорить дело, предложил для головы Иуды в качестве образца голову надоедливого приора, что вызвало всеобщий смех и повело к посрамлению недостаточно возвышенного, по мнению Леонардо, заказчика, которой впредь "занимался только копанием грядок в саду".

В рассказе Вазари, несомненно основанном на вполне достоверном источнике (об этом говорит совпадение с Банделло), Леонардо времени расцвета своей творческой деятельности встает перед нами во весь рост. Бесконечное экспериментирование, неудержное новаторство в работе, а в жизни гордая заносчивость, замкнутое самомнение, умение вести легкую светскую беседу, расцвеченную злыми остротами, но предназначенную только для понимающего, а не для недалеких людей вроде злополучного приора. Здесь мы видим опять ту же двойственность, которой отмечено социальное лицо Леонардо и которая немало повлияла на все его творчество. Выходец из высших кругов общества, к которым он принадлежит полузаконно, проведший детство в богатом буржуазном доме, а затем попавший в полупролетарскую, полумелкобуржуазную среду ремесленников, он в своем творчестве, в его утонченности, оригинальности, новизне, в своем подчеркнуто светском поведении ищет путей, внутренних и внешних, чтобы занять опять то положение равного среди привилегированных бездельников, которых он внутренне презирал, но к обществу которых толкало его глубоко сидевшее в нем честолюбие и возвращенное воспитанием презрение к низшим, эксплуатируемым классам.

"Тайная вечеря", слишком широко известная для того, чтобы нужно было давать хотя бы краткую ее характеристику, была, как это ни удивительно, почти закончена Леонардо. Но если бесконечное экспериментирование художника привело только к задержке, а не к срыву исполнения самой крупной его работы, то оно привело к медленной гибели самого произведения, свидетелем начала которой был сам художник. Грунт и состав краски, изобретенные им, оказались неудачными. Уже через несколько лет после

окончания картина начала тускнеть и осыпаться, так что и в данном случае упорное новаторство Леонардо оказалось для него пагубным.

Окончание "Тайной вечери" совпало с последними годами, можно даже сказать месяцами пребывания Леонардо в Милане. Все это время Леонардо непрерывно нуждался в деньгах, несмотря на то, что он получал немалое вознаграждение и, будучи, как мы видели, вегетарианцем, тратил весьма немного на свои домашний обиход. Свидетельством этого могут служить многочисленные счета, вкрапленные среди научных записей его кодексов, например (С. А. 27 г. а.):

Воскресенье

Мясо 10 сольди

Вино 12 "

Крупа 5 " 4 дин.

Зелень 10 "

Сливочный сыр 4 " 4 "

Апельсины 3 "

Хлеб 3 "

47 сольди 8 дин.

Понедельник

Свечи 6 сольди

Вино 12 "

Крупа 5 " 4 дин.

Сыр 4 " 4 "

Зелень 8 "

35 сольди 8 дин.

Вторник

Мясо 10 сольди

Вино 14 "

Хлеб 5 " 8 дин.

Крупа 9 "

Зелень 8 "

46 сольди 8 дин.

Среда

Вино 5 сольди

Апельсины 2 " 7 дин.

Стручки 1 "

Крупа 5 " 4 "

Зелень 8 "

21 сольди 11 дин.

Приведенные счета, очевидно, регистрируют расходы на пропитание всего дома, т. е. Леонардо, его учеников и прислуги, причем ученики, которые, как видно из черновика письма к герцогу в С. А. 335 v., в числе двух-трех, жили в доме мастера на полном его иждивении, за это иждивение платили. Так, в кодексе Н (41 v.) Леонардо записывает: "14 марта 1494 г. поселился со мной Галеаццо на условии уплаты 5 лир месяц за свое содержание, с уплатой 14-го каждого месяца".

Было бы слишком громоздким да и затруднительным произвести полную экономическую расшифровку настоящей записи, но если мы учтем, что ученик платил Леонардо пять лир в месяц, а лира заключала в себе 20 сольди, средний расход в 35—40 сольди на все хозяйство не был слишком большим. Таким образом, Леонардо должен был, по-видимому, быть вполне обеспеченным, в действительности же его материальное положение было постоянно катастрофическим. Причин этому много: во-первых, задержки выплаты жалованья, — из того же черновика письма (С. А. 335 v.) мы узнаем, что оно задерживалось чуть ли не на два года; во-вторых, значительные расходы на обширные и практически не оправданные эксперименты и, наконец, самое главное — отмеченная Вазари барская привычка тратить много на ненужные предметы роскоши и, особенно, на подарки своим красивым любимцам-ученикам, которые к тому же еще немало выпрашивали у него и просто крали. Записи вроде (J. 94 г.): "Плащ Салаи — 4 апреля 1497 г."; "Салаи украл деньги", встречаются в этот период постоянно. Кроме того, надо иметь в виду, что просьбы о деньгах были одним из обязательных свойств придворного, так что Леонардо не всегда можно полностью верить. Как бы то ни было,

но, снисходя к этим просьбам и в награду за все выполненные Леонардо художественные и технические работы, Лодовико Моро в 1498 г. подарил ему участок земли, который тот, по-видимому, сдал в аренду, значительно увеличив этим свои доходы. Подарок этот явился как бы последним актом многолетних отношений между герцогом и художником. Политический горизонт к этому времени с потрясающей быстротой покрывался грозными тучами, которые уже давно бродили вокруг. В августе 1499 г. французские войска Людовика XII вступили на итальянскую землю; в октябре они, не вынимая меча, заняли Милан, который предварительно был очищен Лодовико. Леонардо был мало сентиментален и не слишком обуреваем патриотическими чувствами, — с его эгоцентрическим скепсисом они плохо мирились, — просто он решил не подвергаться риску репрессий за близость к бывшему герцогу. Поэтому он срочно перевел все деньги, которые мог реализовать, в свой родной город — Флоренцию и, вместе со своим другом Лукой Пачьоли и любимым учеником Салаи, уехал в Венецию. Так закончилось первое пребывание Леонардо да Винчи в Милане, период, охватывающий, примерно, семнадцать лет его жизни, единственный длительный спокойный период, когда окончательно сформировалась его творческая личность и расцвело его разностороннее, беспорядочное, но во всем удивительное творчество.

Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи, 1947